



КОМАНДИРЫ И РЯДОВЫЕ СУРОВОЙ ПОРЫ

Биография начиналась так:
В день по восемь, по десять атак.
Биография начиналась так:
Со взрывчаткой бросались под танк.

А потом – медаль за Берлин.
А потом – цеха, корабли,
Новостройки в рабочих лесах,
Ветер поисков – в паруса...







МЕЖДУРЕЧЕНСК, МЫСКИ

**Людмила Худик
ФРОНТОВИКИ
ИЗ МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Свой яркий след в журналистике Междуреченска 50-60-х годов прошлого столетия оставили журналисты-фронтовики. Старшее поколение газетчиков помнит заместителя редактора городской газеты «Знамя шахтера» Ивана Петровича Зекова, фотокора Федора Михайловича Лобыкина, литсотрудника Евгения Андреевича Батхина. А в 70-80-е годы редактором многотиражной газеты «Голос строителя» был бывший штурман военной авиации Иван Андреевич Чибисов.

Евгений Батхин вел большую поисковую работу по увековечению памяти земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. Благодаря его кропотливому труду в



Междуреченске появилось несколько улиц, названных в честь героев-фронтовиков.

Солдат Федор Лобыкин и на фронте «баловался» фотосъемкой. Дошел до Берлина. Когда демобилизовался, любительские кадры у него изъяли, но один — с видом военного полуразрушенного Берлина — чудом сохранился. Этот «контрабандный» снимок потом был опубликован в городской газете.

Особое место в истории городской журналистики принадлежит бывшему командиру пулеметного взвода Николаю Николаевичу Дубинину и рядовому артиллерийского полка Андрею Михайловичу Беляеву.

Именно они создавали первые газеты Междуреченска — городскую «Знамя шахтера» и шахтовую многотиражную «То-



мусинский горняк» в середине 50-х годов. Дубинин, имевший уже опыт работы в областной газете «Кузбасс», стал первым редактором «Знамени шахтера». Беляев, прибывший из районной мысковской газеты «Сталинское знамя», возглавил многотиражку, а потом, в 1959 году, сменил уехавшего из города Николая Дубинина на посту редактора городской газеты.

Прошагавшие фронтовыми дорогами пол-Европы, заслужившие много фронтовых наград, эти два редактора считали страницы своей трудовой биографии в новорожденном, стремительно строящемся шахтерском Междуреченске самыми яркими.

Недаром, поездив по стране, поработав в других регионах, с выходом на пенсию оба вернулись в Кузбасс, в город, который стал им навсегда родным. Николай Дубинин, например, нашел применение своим силам в общественной приемной газеты, которую когда-то редактировал.

К сожалению, Николая Николаевича Дубинина не стало в 1990-м, он умер в год 45-летия Великой Победы. Память о нем бережно хранит его приемная дочь Альбина Николаевна.

Именно она предоставила все материалы об отце для этой книги. Огромное ей спасибо. Каждый год 9 Мая Альбина Дубинина выходит на парад с портретом своего отца в руках.

Эта светлая семейная традиция — дань памяти и безграничного уважения человеку, чью фамилию дочь с гордостью носит по сей день.

Андрей Михайлович Беляев недавно отметил свой 85-летний юбилей и до сих пор не теряет связи с городской газетой «Контакт». Человек удивительно скромный и

деликатный, он никогда не выставляет свои заслуги напоказ, хотя в числе его фронтовых наград орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги» и медаль «За отвагу». И его воспоминания о войне не картины героических сражений, а переживания 18-19-летнего мысковского мальчишки, брошенного прямо из детства в огромное пламя мировой войны.

О двух первых редакторах Междуречья — Николае Дубинине и Андрее Беляеве — с уважением и преклонением перед их ярким ратным и трудовым прошлым две последующие главы.

РЯДОВОЙ ПОБЕДЫ

На старой фронтовой фотографии три бойца артиллерийского полка. Слева совсем юный солдатик с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

Это Андрей Беляев, участник Великой Отечественной войны из Междуреченска. На той фотографии ему всего двадцать. А сегодня уже 85.

В 1942 году, в семнадцать лет, его, только окончившего десятилетку, значкиста ГТО, ворошиловского стрелка, призвали на фронт из Мысков.

И с 1943 по 1945-й шел он дорогами войны сначала в лыжной бригаде разведроты, затем во взводе управления командующего артиллерией 370-й стрелковой дивизии, до самого Берлина. Рядовым, от начала и до самого конца.

Мальчишка, рядовой Победы, у которого юность пришлась на самые суровые для страны годы...

Для него, кавалера Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени, награжденного медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями



«За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», служба в армии закончилась только спустя два года после Победы.

Он не захотел стать кадровым военным и вернулся к себе на родину, чтобы помогать семье. Война унесла жизни трех его старших братьев, а четвертый, арестованный по навету как враг народа, погиб в сталинских лагерях. Всего в семье Беляевых было девять детей.

После войны осталось в живых четверо... Не вынес лишений, свалившихся на семью, и отец, рано ушел из жизни.

После демобилизации Андрей Михайлович учительствовал в селах Мысковского района, а затем судьба привела его в районную газету «Сталинское знамя», где он был и за ответственного секретаря, и за корреспондента, и за корректора, да и за редактора тоже.

С тех пор печатная журналистика захватила его всерьез и надолго.

Он стал первым редактором многотиражной газеты «Томусинский горняк» междуреченской шахты «Томусинская 1-2» (нынче шахта имени Ленина), а после окончания Высшей партийной школы в 1959 году возглавил первую городскую газету Междуреченска «Знамя шахтера», сменив на этом посту Николая Дубинина, тоже фронтовика.

Город тогда только еще начинал строиться. Повседневной обувью междуреченцев, в том числе и журналистов, были резиновые сапоги.

А главным местом репортажей — стройки. Центральным героем газеты всегда был деятельный человек, мастер своего дела, труженик. «Исторический человек», воз-

водящий город горняков и строителей. И «Знамя шахтера» подчеркивала именно эту ипостась своих земляков.

Сделать городскую газету живой, яркой Беляеву, конечно, помогла хрущевская «оттепель», когда вся печать, глядя на очеловеченные «Известия» во главе с Алексеем Аджубеем, стремилась не отстать от требований времени.

Вся пресса тогда сдирала с себя коросту сталинской официальщины и казенщины, становилась ближе к человеку.

Говорят, стиль руководства редакционным коллективом у Беляева был самый демократичный.

Сам скромный, мудрый и трудолюбивый, молодых журналистов он учил постигать жизнь, вырабатывать умение, говоря словами Анатолия Аграновского, «увидеть то, чего до тебя никто не увидел, найти факт, которого никто не нашел, высказать мысль новую, незатертую».

Андрей Михайлович, по словам его подчиненных, сам умел просто и доходчиво писать на волнующие темы и позволял сотрудникам все ради достижения цели — срочной, достоверной, полной информации о жизни города. Не позволял только лениности и расхлябанности.

А если кого-то из газетчиков после критической статьи пытались вызвать на ковер в горком партии, он как член бюро горкома по-фронтовому всегда грудью вставал на защиту корреспондентов.

...Время неумолимо. Уходят одни поколения, приходят другие. Вот и в редакциях происходит постоянное обновление.

Но когда бы журналист ни работал в газете, она дорога ему, потому что дает право чувствовать себя активным участником происходящего вокруг него.



Недаром писатель Константин Паустовский определил нашу профессию, как всю жизнь. Андрей Михайлович, уже давно будучи на пенсии, тоже не утратил связи с редакцией.

Нет-нет да и принесет что-нибудь в городскую газету.

В последнее время все больше «балует» стихами. В них и юмор, и здоровая ирония, и оптимизм, и философское осмысление нашей действительности.

Он и над собой пошутить не боится, что-то из новенького всегда готов прочесть при встрече. Недавно вот порадовал свеженьким четверостишием:

Какую радость испытал:

Зубную боль я чувствовать не стал.

Отстал проклятый кариес —

Не по зубам ему протез!

О войне Андрей Михайлович рассказывает как-то совсем не по-геройски. В его воспоминаниях нет батальных сцен, он считает, что о них можно прочесть в любом учебнике истории. А вот то, что выносит из опаленной молодости память, — это такие детали, из которых складывается картина настоящей, не приукрашенной повседневной фронтовой жизни.

С бытовыми трудностями и цепью фатальных случайностей, от которых никто не был застрахован, потому что никто не был уверен, доживет ли он до завтрашнего дня. А тем более до победы.

Из воспоминаний бывшего рядового красноармейца Беляева:

— 2 января 1943 года нашу бригаду погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Везли долго. Выгрузили на станции Бологое только в феврале. Отсюда предстояло попасть к городу Старая Русса, что примерно в 200 километрах. Город был оккупирован

немцами, и нам предстояло его освободить.

Мы думали, что нас пересадят в крытые вагоны-«телятники» и через несколько часов привезут под Старую Руссу. Но приказано было идти пешком.

В вещмешках несли магазины к автоматам ППШ (сами автоматы на плечах), запас патронов для дисков, по две гранаты Ф-1, по две — РГД и по одной противотанковой. А кроме того, нужно было тащить на плечах и лыжи с палками.

Солдаты, которые уже побывали на фронте и залечили в госпиталях раны, чтобы облегчить себе ношу, начали палить из автоматов в воздух, выпуская очередь за очередью. Побросали гранаты. На фронте, дескать, такого добра много, зачем на себе его тащить. А мы, молодые, недоумевали: как же можно уничтожать боеприпасы? В тылу женщины и старики сутками ночуют в цехах, чтобы снабдить фронт теми же патронами, гранатами. А тут такое бездушие! И сами мы тащили на себе все, что было приказано нести.

На подходе к передовой мы с ужасом убедились, что «старики» оказались правы. На прифронтовой полосе мы увидели чудовищную картину. Ящики с гранатами и патронами, сгруженные у обочины дороги, вдавливались в грязь колесами машин.

Хорошо, что гранаты и запалы к ним отправляли в разных емкостях. В этих ворохах боеприпасов ящиков с запалами не было.

Нам, зеленым солдатам, казалось, что уж на фронте-то не должно быть беспхозяйственности, что здесь каждый боец обязан был отвечать за всякую потерянную гранату. Но, наверное, безалаберность и беспхозяйственность — это наши генетические черты.



Позже нашу лыжную бригаду расформировали, часть людей пошла служить в разведроту дивизии, часть — в стрелковые полки. А меня определили во взвод управления командующего артиллерией 370-й стрелковой дивизии.

Служба проходила на наблюдательных пунктах. В стереотрубу мы следили за передним краем противника и фиксировали в журналах все, что там происходило. Артиллерия (76-миллиметровые пушки и 122-миллиметровые гаубицы) была на конной тяге. Некоторые ездовые надевали на ботинки с обмотками самодельные шпоры. Выглядели они довольно комично.

Потом в полк стали прибывать американские трехосные вездеходные автомобили — «Студебеккеры», они уже вместо лошадей буксировали орудия. А начальство начало ездить на «Виллисах».

Как складывалась на войне судьба каждого из нас? Могу сказать: мне просто везло. Раз пошли мы по приказу начальства в ближний тыл с товарищем, шли по заброшенной железной дороге. Надо было спрятаться, переждать артналет. Я упал у будки из шпал, стоявшей слева от насыпи. А справа от полотна был кювет, на дне которого еще не высохла вода. В него скатился мой спутник по фамилии Бабаян.

Когда обстрел прекратился, я выбежал на дорогу и увидел, что Бабаян лежит вниз лицом. А вода в кювете ...красного цвета. Осколок снаряда попал бойцу в спину и прошил насквозь.

В другой раз тоже смерть была рядом. Мы уже привыкли к так называемым «агитационным» снарядам, которые разрывались в воздухе и рассыпали листовки, призывающие переходить на сторону немцев. Во время одного «агитобстрела» я вышел из

блиндажа и стал рубить сучья для костра.

И вдруг возле моего правого уха что-то прошелестело, и в тот же миг в нескольких шагах вдруг перевернулась кочка. Оказалось, немецкий 105-миллиметровый снаряд нырнул под кочку и вылетел с другой стороны.

Днище у него отпало, и оттуда — веер листовок. Прошла бы эта агитболванка левее на несколько сантиметров — и ничего бы не осталось от моей головы. Домой бы сообщили: «Пал смертью храбрых»... И таких случаев было не перечесть.

Тяжелые кровопролитные бои шли на подступах к Берлину, особенно на Зееловских высотах, где наш Первый Белорусский фронт под командованием маршала Жукова нес значительные потери.

И в самом Берлине завязались уличные бои, не менее тяжелые. Сопrotивлявшихся пришлось выбивать из домов и подвалов.

Потом нашу 69-ю армию бросили на запад от Берлина навстречу американцам.

Как известно, первыми с американскими союзниками встретились войска Первого Украинского фронта вблизи Торгау на Эльбе. Мы же вышли к американцам позднее, в Магдебурге, на той же реке.

Наши командиры приказали поставить на мост часовых, чтобы мы не могли свободно общаться с военными хоть и союзнической, но империалистической страны.

Однако со временем представители нашего и американского командования все же начали совершать визиты друг к другу. А однажды к нам приехали на «Виллисе» и американские солдаты.

Мы окружили их, стали расспрашивать. Среди гостей был сержант, сносно говорящий по-русски. Оказалось: его мать родом из Белоруссии.



Этот сержант рассказал нам о тактике американской армии. Мы узнали, что, в отличие от русских полководцев, американцы своих пехотинцев щадили, не бросали их впереди техники.

Сначала укрепленные позиции врага бомбила авиация, превращая все в руины. Потом на машинах пускали пехоту. Если противник где-то уцелел и начинал стрелять, снова вызывали бомбардировщиков. Поэтому американцы несли минимальные потери в живой силе.

Даже на встречу с нами, где им ничего не угрожало, американские бойцы явились в касках. Одеты они были в новое шерстяное обмундирование, такое же, как носили их офицеры и генералы. Только по знакам различия можно было определить, кто солдат, а кто генерал. А наши «мундиры» поистрепались, многие бойцы были одеты в «трофейные» немецкие рубахи с пришитыми своими погонями, имели жалкий вид.

БАТЯНЯ

Толстая папка с заголовком на обложке: «История из семейного архива». Целая сокровищница бесценных материалов. Собраны они Альбиной Николаевной Дубининой в память о своем отце — Николае Николаевиче Дубинине, фронтовике, журналисте, первом редакторе городской газеты Междуреченска.

Здесь и семейные фотографии, и вырезки из газет, и письма, и личные воспоминания... После знакомства со всеми материалами мне захотелось, чтобы читатель увидел этого человека не глазами журналиста, а глазами его дочери, бережно хранящей светлую память о нем.

Несмотря на то, что Альбина Дубинина считает Николая Николаевича своим от-

цом, «батяней», на самом деле он ее приемный отец. И первое впечатление об отчине у нее связано с семейной трагедией.

— Моего родного отца арестовали в 1937 году и расстреляли. Маме было тогда 23 года, ее уволили с работы, нас, как семью «врага народа» выселили из квартиры. Нас приняла сестра мамы, у которой было трое своих детей. Я еще была мала и не могла понять, что происходит, но мама и тетя всегда меня предупреждали: «Молчи!»

И вдруг через два года в нашей семье появился мужчина. Молодой, веселый, 24-летний Коля Дубинин. Он буквально спас нас от нищеты. Тогда он работал разъездным корреспондентом и стал ухаживать за мамой. С ним мы переехали из Топок в Кемерово. Николай Николаевич очень любил мою маму — Лидию Александровну Павленко, даже взял себе псевдоним Ник. Лидин.

...Только семья стала обживать на новом месте, как началась война. Николая Дубинина призвали на фронт. И воевать ему пришлось до самой Победы командиром пулеметного взвода. Трижды был ранен, контужен, но снова возвращался в строй. Еще на фронте родилась у него мечта написать книгу «Дороги солдатские» о том, какой ценой достигалась Победа.

Вернувшись с фронта, в военной гимнастерке вновь пришел в редакцию газеты «Кузбасс», ставшей к тому времени уже областной. Его назначили заведующим промышленным отделом. Альбина Николаевна вспоминает:

— В эти годы родители зарегистрировали свой брак, отчим удочерил меня и дал свои отчество и фамилию, тем самым прикрыв меня по-фронтовому и защитив от повторной волны репрессий начала пятидесятых.



Николай Николаевич Дубинин

В знак уважения и признательности я и после замужества оставила себе его фамилию.

Свои самые теплые воспоминания об отце Альбина Дубинина уже после его смерти изложила в своем «Письме отцу», которое есть здесь же, в «истории из семейного архива»:

«...Как мы с мамой ждали твоих, папочка, писем с фронта! Из скурых весточек с линии огня Первого Белорусского фронта, который вел тяжелые бои с врагом, мы знали, что ты командир пулеметного взвода. Всегда переживали, когда от тебя долго не было вестей.

А письма приходили о веселой бесшабашности фронтовой жизни, о скором возвращении живым и здоровым и с заверени-

ями, что заживем лучше прежнего. Мама всегда радовалась письмам и...плакала. Конечно, она не верила, что тебе там легко.

Но однажды ты написал такое письмо, за которое мама долго не могла тебя простить. Ты писал, что лежишь с тяжелым ранением в госпитале, тебе ампутировали ноги, чтобы тебя не ждали, потому что ты не сможешь «таким» вернуться домой. Сколько мама пролила слез, какие нашла слова, чтобы вернуть тебя домой «любого»...

Только после войны, когда ты вернулся домой с орденом Красной Звезды и другими наградами, мы узнали, что ты на самом деле был тяжело ранен и контужен. Но тогда молодость смогла перебороть все недуги. А после госпиталя снова отправился на передовую добивать врага.

Но до конца дней своих ты прихрамывал и ходил с тросточкой.

После войны в доме воцарились доброта и радость. Помню, с какой любовью ты называл маму Лидусей, баловал меня, а всем с гордостью говорил: «У меня три звездочки: одна на груди и две в груди».

После войны ты еще долго не снимал гимнастерку. Работал корреспондентом газеты «Кузбасс» в Прокопьевске, Ленинске-Кузнецком, Осинниках. Мама была легкая на подъем, при переездах, ни слова не говоря, быстро собиралась и следовала за тобой. В нашем доме всегда было много твоих друзей — известных писателей, журналистов, актеров, поэтов, художников Кузбасса.

Когда в Прокопьевском драматическом театре ставилась пьеса Александра Володина «Цвести черемухе», помню, как вы обсуждали у нас дома ее содержание, а актеры запросто заходили к нам, спорили, говорили о жизни. Для меня, еще юной девчонки, каждая такая встреча была большим празд-



ником, хорошим эмоциональным зарядом, воспитывающим чувство настоящего товарищества на всю жизнь.

Я бережно храню подписанные тебе авторские книги твоих знаменитых друзей — Волошина, Небогатова, Троицкого, Банникова, Шатской... Их целая библиотека.

Ты хорошо разбирался в литературе. Благодаря тебе, папочка, я стала понимать глубину поэзии, особенно тебе нравился Маяковский, ты мог наизусть рассказать любую его поэму.

Знаю, что работал над собственной книгой «Дороги солдатские». Иногда вечерами читал рукописные главы.

Мне особенно запал в душу рассказ о том, как снарядом убило фронтового почтальона, а письма разлетелись по полю. Они ожили и со всех сторон кричали, стонали, молились словами солдат, обращаясь к своим родным.

Такое не напишешь, не прочувствовав собственной кожей в промороженных окопах всю глубину трагедии... Жаль, рукопись книги я не смогла найти.

Дорогой папочка! Именно тебе, тертому на фронтовых и жизненных дорогах, мудрому человеку, было доверено организовать в молодом городе Междуреченске с чистого листа городскую газету «Знамя шахтера». Так наша семья появилась и вросла корнями в этот город.

Все заботы по созданию коллектива редакции и типографии ты пропустил через свою душу, днюя и ночуя на работе. Какие кадры ты воспитал!

Самым святым праздником для тебя был День великой Победы. Ты всегда надевал награды и с гордостью становился в строй фронтовиков на параде.

Тебя не стало в год 45-летия Победы. Но с

тех пор я всегда беру с собой на парад твою фотографию, как ты в нагрудном кармане носил мамину и мою карточки.

Спасибо, дорогой папочка, что ты нас защитил. Спасибо от моих детей и внуков. Мы всегда будем помнить тебя!»

Хоть и не удалось напечатать Николаю Дубинину свою книгу «Дороги солдатские» (не брали тогда издательства такую литературу, автор сам должен был заплатить за издание немалые деньги), не сохранились и рукописи неизданной книги, но несколько ее глав все же были опубликованы в газетах «Кузбасс» и «Знамя шахтера».

Герой повести Дубинина — железнодорожник Лапшин, самоотверженный защитник Родины, прошедший нелегкими дорогами войны и сложивший голову под Дрезденом.

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Николай Дубинин считал, что в журналистику попал случайно. И всегда с юмором вспоминал, как отдыхал в доме отдыха в Яе. Ему, 17-летнему электрослесарю анжеросудянского механического завода, пришлось на досуге выпустить любительскую стенгазету. Что-то в ней понравилось отдохнувшему там же сотруднику городской газеты Василию Алейнику, и он, разыскав парнишку, спросил: «Слушай, а почему бы тебе не податься?» — «Куда?» — с удивлением отреагировал Николай. — «А в журналистику.»

Было это в 1932 году. Случайная встреча с журналистом засела в голове. И, когда спустя три года по семейным обстоятельствам Дубинин оказался в Черемхове, без жилья, без средств, он пришел в редакцию.

Место в «Черемховском рабочем» получил сразу — стал литсотрудником в бюро



расследований (так назывались тогда отделы писем). Сидел, корпел над письмами. Что-то начало получаться благодаря помощи опытных газетчиков.

В 1936 году вернулся в Анжеро-Судженск, и сразу же — в городскую газету «Борьба за уголь», стал литработником промышленного отдела.

Потом в его журналистской биографии были высшие курсы журналистики, газеты «Кузбасс», барнаульская и омская молодежные газеты.

И снова «Кузбасс».

Но сдачей экзамена на зрелость Николай Дубинин всегда считал организацию городской газеты в только что получившем статус города Междуреченске. В одном из интервью журналисту Тамаре Булдаковой Николай Николаевич вспоминал, как с нуля начиналась газета.

Как с трудом находили кадры, как безграмотные наборщицы вручную, по буквке набиравшие номер, допускали катастрофическое количество ошибок, как искали хорошего корректора. Как накануне праздника молодая печатница, не закрепив набор, включила машину (на подобной печаталась еще ленинская «Искра»), и весь разворот праздничного номера вылетел на пол, рассыпавшись по буквке. И пришлось всю ночь работникам типографии набирать обе страницы заново.

Выпуск первых номеров газеты был целым событием для горожан.

Огромные лампы всю ночь горели в типографии, которая размещалась на первом этаже жилого дома, и всю ночь у окон стояли «зрители»: междуреченцы с любопытством наблюдали, как плоскопечатная машина отшлепывает тираж рождающейся на их глазах городской газеты.

Нина Сухинина

ОН НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ С НАМИ

Поделюсь воспоминаниями о своем отце Григории Яковлевиче Голдобине — фронтовике, журналисте и учителе.

Для нас, кому сейчас по 70-80 лет, детей войны, 65-летие Победы — понятие совершенно конкретное и очень значимое. Какие-то события, эпизоды время полностью стерло из нашей памяти. Но все, что связано с годами войны, уже не забыть никогда.

Как сейчас вижу большой крестьянский дом с печью-лежанкой. Это место было выделено бабушке и моей младшей сестренке Свете. А остальные 12 человек разместились кто где. Такое многочисленное семейство образовалось так. В первый год войны три сестры моей мамы вместе с детьми решили перебраться из Кемерово в деревню Черемичкино к своей матери. Перебрались сюда вместе с детьми и коровами. Мы в то время хоть и жили в городе, но коров держали. И вот, чтобы сохранить своих кормилиц, чтобы выжить, решили солдатики объединиться в семейный «колхоз». Жизнь потом показала, что решение это было правильным.

...Но вернусь к своей печке. Поздний зимний вечер. По полу и стенам мечутся блики непогасших еще поленьев. В углу завел свою монотонную песню сверчок. Все в доме затихает. И лишь сверху, с лежанки, слышится тихий шепот бабушки и вторящий ей детский голосок Светочки: «Господи, верни нам с войны папу живым и невредимым». Это уж стало обязательным вечерним ритуалом. Осознанно ли произносил эти слова ребенок, не знаю. Но молили о Победе, о возвращении своих близких, родных все — старые и малые.

И еще встает в памяти. Дошла как-то очередь до нашего солдатского подворья



взять колхозного быка для вывозки дров из леса. Причем только на ночь, а к утру эту рогатую громадину надо уже вернуть на скотный двор. Случилось так, что, кроме нас с мамой, ехать в лес некому. Маме 28 лет, мне 11. Вижу, что она боится этого быка страшно. Я ее успокаиваю; «Да он не сердитый вовсе, он добрый, только очень большой». И глажу дрожащими от страха руками его ребристые бока. Подъезжаем к лесу, мама сразу как-то насторожилась и с опаской по сторонам смотрит: «Нина — говорит, — спой-ка песню про синие ночи. Вы с ребятами в школе пели. Только громко — громко». Ору во все горло: «...мы пионеры — дети рабочих».

Но мама замолчать не дает: «А теперь ту, что ты на утреннике пела». Пою. Эхо разносит по всему лесу: «Вижу чудное приволье...» И так с песнями и со слезами, по пояс в снегу, натаскали мы с ней дров, привезли домой. Только я недели две была без голоса, с больным горлом. Прогревалась, конечно, на печке. А мама все сокрушалась: «Я во всем виновата, волков очень боялась. Вот и заставляла тебя шуметь, чтобы их отгонять». А волки действительно там водились.

«Мама, расскажи нам о папе...»

И она рассказывала: «Помните, как мы встречали папу из поездок в город. Сколько людей у нас собралось в доме. Он всегда привозил что-то интересное. Или новые книги, или редкие грамзаписи. Было многолюдно и весело. А какие елки мы наряжали дома!» Я все помнила, а вот младшие брат и сестра представляли отца только по рассказам мамы. Слишком малы были, когда папа ушел на фронт.

По профессии он учитель русского языка и литературы. Окончил десятилетку с педуклоном (так тогда это называлось). Эк-

замены за 9 и 10 класс сдавал экстерном. Сразу поступил в институт. В 17 лет он уже учительствовал.

Спешил поскорее приступить к работе. Ведь на его иждивении были мать и брат Володя. Парень способный, не без таланта. Папа мечтал дать ему достойное образование. Во всем отказывал себе, собрал брата в Москву. Там Володя окончил ГИТИС, аспирантуру, Академию общественных наук. Словом, надежды старшего брата оправдал.

Учитель по жизни и по первой профессии, он был большим эрудитом, настоящим интеллигентом. Так сказал после кончины папы журналист междуреченской городской газеты Василий Климов. А я добавлю: и по призванию.

Как-то забегают ко мне сын (старший внук Григория Яковлевича): «Слушай, мама, я сейчас неожиданно столько нового узнал о деде!» А дело было так. В управлении «Кемеровогражданстрой» отмечали юбилей ветерана-строителя и провожали его на заслуженный отдых. Василий Романович Гришко был заместителем начальника управления. Сергей же, мой сын, — главным инженером. Все как полагается: тосты, добрые слова благодарности ветерану, разговоры. И вот Василий Романович говорит: «Я ведь почему в люди вышел? С учителем мне повезло! Он был Учителем от бога. Учился я в сельской школе, но уверен, что такие знания предмета, ответы на жизненные вопросы и вообще интерес к учебе едва ли бы я получил даже в престижной городской школе...». И он рассказывал об уроках литературы, когда учитель входил в класс с патефоном. Звучали грамзаписи опер, голоса знаменитых певцов: Шаляпина, Собинова, Козловского. Мы ждали уро-



Журналисты Кузбасса после вручения государственных наград



Боевой экипаж. Евгений Шибалов (слева)

Андрей Беляев (слева) с фронтовым другом



Павел Грибов. Встреча с однополчанами





Иван Балибалов (справа) с В.А. Целобановым



Николай Бабкин



Сергей Знатков (слева) с журналистами

Редакция газеты «Кузбасс», 1948 год





ка литературы, как праздника. А как наш учитель читал стихи! Сколько он их знал! Это была середина 30-х годов. Звали нашего учителя Григорий Яковлевич». «Голдобин?» — восторженно воскликнул сын. — Спасибо вам за добрую память о нем. Это мой дед».

И еще, что мне запомнилось из далекого довоенного. Папа был очень музыкален. Струнными инструментами владел просто виртуозно. А потому в школах, где он директорствовал, всегда звучали струнные оркестры — учительский и ученический. Кстати, переезжать нашей семье приходилось очень часто: Салтыки, Черемичкино, Цыпино, село Топки. А до меня еще ряд деревень. И не по прихоти отца.

Когда дела в одной школе налаживались, его направляли в другую. Среди учителей ходила такая невеселая шутка: «Ну вот, школа поднялась, оркестр заиграл, теперь нашего директора опять кинут на какую-нибудь развалюху».

Весна 45-го была ранней, дружной. А этот день 9 Мая запомнился особенно погожим и солнечным. В центре деревни, около школы и сельсовета необычное, радостное оживление. Со всех концов деревни стекаются толпы людей. Кричат, плачут и смеются. Победа!

А встречу с папой нам надо было ждать еще долгих 8 месяцев. Это было время тревожного ожидания. Мы ведь не знали, что он был переброшен на войну с Японией, а писем почему-то от него давно не было. Вернулся домой он лишь в конце декабря 45-го.

Он прошагал войну рядовым солдатом. Его ратный труд отмечен орденом Отечественной войны II степени, медалями за освобождение Литвы и Латвии, за Победу над фашистской Германией, за Победу над

Японией. А еще — долго незаживающими рубцами на плечах — следами от тяжелых катушек, которые он перетаскивал на спине, восстанавливая разрушенную связь. Зачастую под огнем. Не зря ведь связистов называли «живыми мишенями».

В часы затишья бывало, что прямо в окопах собирался тесный кружок солдат. «Гриша, давай-ка что-нибудь для души. Для сердца.» Любили слушать запрещенного тогда и еще мало известного Есенина:

...Ты жива еще ,моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет!..»

Конечно же, о любви, о дружбе. Иногда в свой блиндаж водили старшие офицеры «прочитать лекцию». И на войне, как говорится, «не хлебом единым» жили.

И вот первый послевоенный год. В начале 46-го его назначают приказом облоно заведующим отделом народного образования Промышленновского района. А вскоре — ответственным секретарем районной газеты «Красное Знамя». Со временем там сплотился хороший творческий коллектив. Чворо, Жужган, Бухгольц, Смолянинов стали впоследствии возглавлять районки в Березовском, Чебуле, Мариинске, Крапивине.

Помню, как по-отцовски бережно относился он к начинающему тогда молодому поэту Саше Бересневу, который работал литсотрудником в отделе культуры. Саша был частым гостем в нашем доме. Забегал на чашку чая просто поговорить. А чаще — с рукописями своих новых стихов. Для него было важно услышать мнение, совет своего старшего доброго друга, коллеги. Как известно, Александр Береснев стал замечательным детским поэтом, членом Союза писателей. Свою первую книжку стихов он вручил Григорию Яковлевичу, назвав



его в дарственной надписи своим другом и учителем. К сожалению, Александр Михайлович рано ушел из жизни.

Уже в солидном возрасте, будучи 58 лет, папе пришлось еще раз переменить место работы. По направлению обкома КПСС его назначили заместителем редактора междуреченской городской газеты «Знамя шахтера». В штате этой редакции он отработал 9 лет. И столько же (если не больше) внештатным корреспондентом. Возглавлял общественную приемную, много лет выпускал страницу народного контроля. Освещал военную тему.

Постоянными его гостями в редакции были бывшие фронтовики. Эти встречи запечатлены на фотоснимках. Вот он берет интервью у участницы боев на Малой Земле. Вот за «круглым столом» с теми, кто освобождал Прибалтику. В День Победы вижу его с блокнотом в руках в окружении участников войны, чтобы услышать и перенести на страницу газеты их бесценные, выстраданные мысли о жизни и смерти, о мире и войне.

Не стало папы в августе 1999 года. Его жизнь — это история страны прошлого века. Коллективизация, ликвидация безграмотности, социалистическое строительство, война, послевоенная разруха — на каждом этапе жизни он оставил свой добрый след. Его труд замечен и высоко оценен орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд», «За освоение целинных земель» и другими.

А День Победы — самый радостный праздник для всей нашей большой семьи. За родительским столом обычно собирались все, за исключением тех, кто жил за пределами области: четверо детей, семь внуков и одиннадцать правнуков.

На одном из таких семейных торжеств на 50-летие Победы его младшая дочь Светлана прочла вот такие свои незатейливые, но искренние строки:

*Вот уж полвека без войны,
Какое счастье — папа с нами,
Хоть сами мы давно геды,
А на него глядим все детскими глазами.
Он о войне не любит говорить,
Себя готовил он не к этому труду,
Его призвание — детей учить,
Любить добро и видеть красоту.
Сегодня чествуем его как ветерана,
Какое счастье — быть с ним за столом.
Вот они рядом — он и наша мама,
Пусть будет так сегодня,
завтра и потом!*

Это сказала та самая Светочка, которая более 60 лет назад молила вернуться папе с войны живым и невредимым.

Сбылось!

Светлана Адамсонс **ЖИЗНЬ, КАК ПОДВИГ**

Много лет назад, когда нынешний редактор мысковской городской газеты «Вариант», а в те времена ответственный секретарь газеты «Путь к победе» Владимир Иванович Басов брал у тогдашнего редактора Николая Алексеевича Крупина интервью для «Журналиста Кузбасса», тот высказал такое пожелание: «Хотелось бы, чтобы у нас появился такой талант, который написал о Великой Отечественной войне книгу, равную по силе «Войне и миру» Л.Н. Толстого».

И пожелание это было небезосновательным, потому что к работе газетчика Н.А. Крупин пришел сложившимся, убежденным человеком, перенесшим военное лихолетье.



Николай Алексеевич родом из Ленинска-Кузнецкого. И, как многие его сверстники, считал, что самое главное дело в жизни — это небо и самолеты.

Учился в школе, а свободное время отдавал аэроклубу, который окончил в первые месяцы войны.

2 июля 1942 года был призван в Красную Армию и, конечно, мечтал попасть в авиацию. Но в это время, видимо, больше нужны были минометчики.

В грозный, тяжелый август сорок второго оказался сибиряк на самом напряженном участке Юго-Западного фронта. Фашисты рвались к Волге.

Жарко было и от сражений, и от нещадно палившего солнца, но молодой солдат выдержал испытание, участвовал во многих боях.

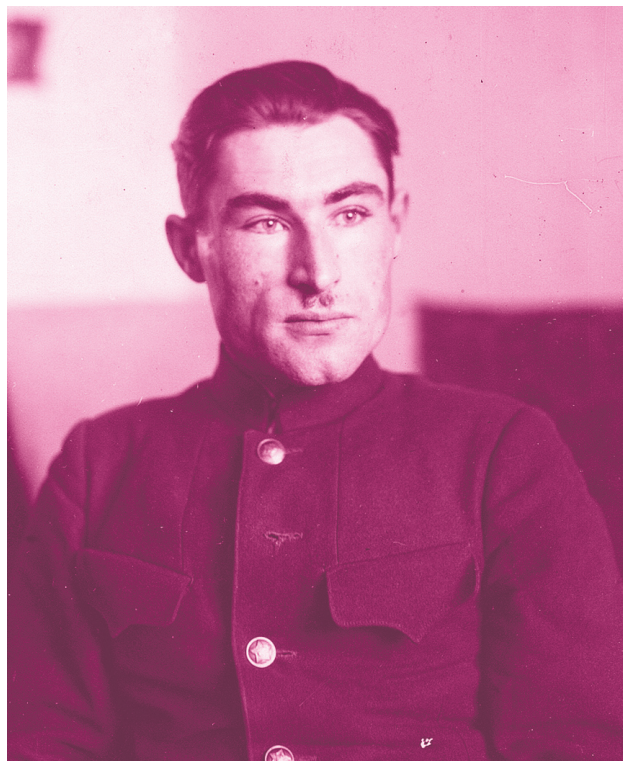
В конце декабря 1942 года его ранило. Жизнь ему спасла металлическая ручка, обыкновенная, школьная.

Она прогнулась от пули и ослабила силу ее удара...

После лечения Николай Алексеевич Крупин воевал в рядах 8-ой гвардейской армии Чуйкова. Однажды на Ворошиловградском направлении их дивизион 120-миллиметровых минометов принял бой с фашистскими танками. Умело и храбро дрались наши бойцы.

Прицельным огнем уничтожили несколько вражеских танков. Армейская газета в статье «Минометы против танков» описала этот бой и доблесть солдат. Николай Алексеевич Крупин был отмечен медалью «За боевые заслуги».

Награда окрылила молодого бойца, но воевать ему пришлось недолго. Контузия, затем тяжелое ранение на долгие месяцы приковали его к госпитальной койке.



Николай Алексеевич Крупин

Летом 1944 года он вернулся домой. Горько было сознавать, что с мечтой об авиации придется расстаться.

Но не искал легких дорог бывший солдат 38-ой гвардейской стрелковой дивизии, он стал бойцом идеологического фронта.

Работал на городском радио, три года редактировал многотиражку «Кировец» в Ленинске-Кузнецком. А затем совпартшкола в Новосибирске. Встретил здесь верную спутницу жизни, тоже участницу войны Валентину Гладовскую, бывшего санинструктора.

После учебы начались для журналиста Крупина беспокойные газетные будни: корреспондент «Кузбасса» в Междуреченске, редактор газеты в Тисульском районе.

А с 1968 года он заступил на должность



редактора городской газеты «Путь к победе» в Мысках.

Невысокого роста, худенький, аккуратный, он как-то сразу всем понравился. За то, что он никогда не помнил зла, его любил и коллектив редакции, и сотрудники типографии, где тогда выпускалась газета, да и все люди, его окружавшие.

На работу Н.А. Крупин принял молодых, неопытных, но талантливых людей. По своему выбору, а выбирать он умел.

В те годы в редакции сама собой создавалась неповторимая атмосфера легкости и непринужденности в отношениях, какая и должна быть в творческом коллективе.

Она существует до сих пор.

Молодые сотрудники газеты были признательны редактору за мудрое наставничество.

Почти двадцать лет возглавлял Николай Алексеевич Крупин коллектив вверенной ему газеты, подписал за это время около двух с половиной тысяч номеров, и все эти годы он не выпускал из рук своего боевого оружия — острого журналистского пера.

Даже тогда, когда ушел на заслуженный отдых, до самых последних дней своей жизни Николай Алексеевич не расставался с блокнотом и ручкой.

ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР

О нем очень мало известно, хотя, возможно, еще живут в Мысках люди, связанные с ним узами родства или что-то знающие о первом редакторе нашей газеты. И если такие есть, то нечем будет исчерпать нашу благодарность за любую их информацию об этом человеке...

Имя его Александр Лактюшин. Когда в 1939 году образовался новый Мысковский район с центром в Мысках, его направили

сюда с задачей создать издательство, организовать производство газеты и возглавить редакцию и типографию.

28 октября 1939 года Александр Лактюшин подписал первый номер районной газеты «Сталинское знамя», фотокопия которого сегодня хранится в редакции, как самая дорогая реликвия.

Читатель не знает, как трудно делать маленькую газету: везде успеть, на крохотной площади разместить самые разнообразные материалы.

А ведь шел «сталинский» 1939-й! Все начиналось с нуля. Огромная ответственность. Сотни проблем и сложностей! И Лактюшин умело решал эти проблемы.

В 1939 году вышло всего два номера газеты, а в 1940 году двухстраничное «Сталинское знамя» выходило уже регулярно, два раза в неделю тиражом 1000 экземпляров.

Первый, по сохранившимся сведениям, был хорошим редактором, талантливым журналистом, отличным товарищем.

Когда началась Великая Отечественная, Александр Лактюшин в числе первых подал заявление, в котором писал: «Считаю своим долгом коммуниста быть там, где решается судьба Родины».

Но ему сказали: «Работай. Понадобишься — отправим на фронт». Понадобился он вскоре.

11 сентября 1941 года Лактюшин прощался с коллективом редакции и типографии. В последнем приказе № 83 он написал: «Выбываю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Исполнение обязанностей редактора возлагаю на ответсекретаря Недорезова».

Он не знал, что это его последний приказ по издательству. В редакцию он больше не вернулся.